

ГЛАВА II. Постулат отречения

Интеллектуальное или идеологическое влияние может если не спасти демократические убеждения лидеров от гибели, то хотя бы замедлить процесс их разрушения. «До тех пор пока власть и право представительства остаются в руках руководителей, до седи́н служивших великой традиции социализма»[519], другими словами, до тех пор пока над всем царит мощная, социал-демократическая идея, власть может сохранять демократические убеждения и остаться на службе у масс. Мы уже попробовали рассмотреть грубые меры по борьбе с обуржуазиванием пролетарских масс (см. ч. II, гл. 2). Но дело не только в борьбе с обуржуазиванием пролетариев, речь идет и о пролетаризации буржуазных членов партийного руководства. Чтобы уберечь социалистов, пришедших из кругов интеллигенции, от возвращения к своему прежнему окружению, от них требовали перенять жизненный уклад пролетарских масс и опуститься до уровня своих партийных соратников. Их властные инстинкты должны были быть искоренены через полное единение с пролетариатом.

Этот тезис уходит корнями в события народной истории. Совместный быт пробуждает симпатию и смягчает классовые противоречия. В равноправном государстве Парагвай, основанном и управляемом иезуитским орденом, те, кто находился под опекой ордена, чувствовали глубокое единение с угнетателями, так как разделяли с ними привычки жизненного уклада[520]. В годы Великой французской революции крестьяне штурмовали дворянские поместья, и только в Вандее два противоборствующих класса объединились в битве с революционной властью Парижа, так как в этом регионе патриархальная совместная жизнь, совместные обеды и совместные охотничьи походы психологически связали крестьян и господ [521]. По этой же причине в итальянских деревнях так редки случаи ярко выраженной ненависти к священникам, местному духовенству, добропорядочным, пусть и необразованным людям, которые не возвышаются в своем положении над остальным населением, разделяют с крестьянами жизненный уклад, а зачастую и тяготы бедности[522].

Чтобы предотвратить процесс возникновения авторитарной власти в демократических партийных организациях, предпринималось множество попыток и вносилось множество предложений, они касались как идейной, так и материальной стороны дела. Бакунин в своих рассуждениях об итальянских студентах описывает роль, которую должны сыграть юные перебежчики из буржуазии в лагере пролетариата, следующим образом: перед академической молодежью в рабочем движении ни в коем случае не стоит задача брать на себя обязанности лидеров, пророков, учителей или профессоров – обязанности Творца. Им надлежит стать «акушерами мысли, рожденной народом», придать необходимую ясность мощным, но еще несознательным народным стремлениям [523]. Бакунин ясно понимал, что в некоторых странах, таких как Италия и Россия, рабочее движение не может обойтись без

помощи буржуазных интеллектуалов, но хотел, чтобы те, кто по праву рождения принадлежит к естественным противникам социализма, подчинялись очень строгим правилам, поддерживая социалистические идеи. В этом отношении мы с полным правом можем считать Толстого его предшественником. «Образ жизни властвует над образом мыслей и определяет стремления воли». В этом выражении, которое отражает материалистскую концепцию истории, Бакунин определил свое отношение к поставленной проблеме: «...если человек, рожденный и воспитанный в буржуазной среде, хочет искренне и без лишних слов стать другом и братом рабочих, он должен отказаться от условий своей прошлой жизни, от всех буржуазных привычек, чувств и симпатий, решительно порвать с буржуазным миром и, повернувшись к нему спиной и объявив ему беспощадную, непримиримую войну, полностью окунуться, без ограничений и оговорок, в мир рабочих. Если его жажда справедливости не настолько сильна, чтобы внушить ему это решение и мужество, чтобы это сделать, то пусть не обманывается он сам и не обманывает рабочих: он никогда не станет их другом. В своих отвлеченных мыслях, мечтах о справедливости, в моменты раздумий, теоретических рассуждений и затишья, когда все внешне спокойно, он может стать на сторону эксплуатируемого мира. Но как только настанет момент великого социального кризиса, когда эти два мира, непримиримо враждебные друг другу, сойдутся лицом к лицу в пылу великой битвы, все его жизненные привязанности непременно бросят его в мир эксплуатирующий»[524]. То есть прежде всего Бакунин обращается к психологии «буржуазных социалистов», «академиков»: решающее влияние на внутренний мир оказывает внешняя обстановка. Самоотречение, самоотверженность, отказ от любых форм буржуазной жизни – в истории русской революции это необходимые качества для предводителя рабочего класса. В первом параграфе пресловутого «Катехизиса революционера» (1871) Нечаев провозгласил принцип, по которому революционер – «человек обреченный». «У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией». Это было стремление к нирване, намерение полностью забыть свою предыдущую буржуазную жизнь. Еще важнее воображаемого и внутреннего было внешнее, показательное самоистязание. Позже среди русских социалистов оно стало основой революционной деятельности, Бакунин охарактеризовал его как «полное погружение в жизнь народа»[525]. Таким самобичеванием был ознаменован довольно продолжительный период истории русского социализма: обычаем, довольно распространенным среди сторонников революции дворянского происхождения, была привычка «ходить в народ», слиться с пролетариатом, окунуться с головой в жизненный уклад рабочих. В этом состояла теория народничества, практические последствия которой были преисполнены великого идеализма. Отказавшись от общественного положения, отрекшись от всех преимуществ городской культурной жизни, в особенности от возможности продолжать учебу, и своей буржуазной карьеры, множество ученых, педагогов, женщин, еврейских студенток и благородных барышень отправлялись в забытые Богом деревни и там выполняли работу крестьян, обозных мастеров, слесарей, кузнецов и т. д., они знакомились с народом, стремились завоевать его доверие и в любых вопросах были советниками народа ради успеха революции[526]. Подобная политическая тактика, которой подвержены, вероятно, только убежденные идеалисты, да и то лишь в моменты коллективного душевного подъема, основывается на психологическом факте: наиболее опасные диктаторские тенденции партийных лидеров могут быть ослаблены, если не полностью подавлены, с помощью только одной профилактической меры, а именно через

искусственное создание социальной однородности в различных слоях революционной социалистической партии. Сходство в образе жизни, таким образом, становится средством моральной поддержки. То же сходство может предотвратить или, по крайней мере, замедлить развитие олигархии в рабочих партиях.

Сегодня на такое экономическое самоотречение, растворение в толпе решаются только некоторые романтично настроенные анархо-социалисты, да и то лишь в очень стыдливой, ограниченной форме[527]. Но идейное отречение от буржуазного миропорядка весьма широко распространено, оно принимает форму полного погружения в жизнь партии. На конгрессе гедистов в Северной Франции было установлено, что долг социалистического депутата – провести жизнь среди своих партийных товарищей[528]. В Германии существует запрет на работу в буржуазной прессе и запрет на участие в любых формах повседневной буржуазной жизни. Очевидно, что подобные меры касаются исключительно сферы идеологии и в лучшем случае могут привести к партийному фанатизму, но никак не способствуют приближению партийных членов к жизни масс.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:57:32

Зверобой обновил 19 января 2026 23:57:44